

ПРОЛОГ

— **А** -а-а-а... Ы-ы-ы... Памагите-е-е...
Я проводил долгим взглядом истошно вопящих людей.

Интересно, чего они испугались? Выметнувшихся из неприметного лаза костяных гончих или повелевающего ими белобрысого мальчишку? Жаль, спросить не у кого — все, кто шел меня убивать, теперь сломя голову неслись прочь, спотыкаясь и периодически вскрикивая, когда их кусали за задницу.

Картина, надо сказать, привычная. За последние годы я так часто ее видел, что уже перестал считать, сколько народу приходило сюда в надежде меня угробить. Однако именно сегодня вид перепуганных беглецов, которых преследовали по пятам мои костлявые псы, вызвал хоть какой-то проблеск эмоций.

Смутное ощущение удовлетворения, толика любопытства — вот, собственно, и все, что я испытал, пока следил за горсткой улепетывающих храбрецов. Но с учетом того, что раньше подобные вещи меня вообще не трогали, это был несомненный прогресс.

Убедившись, что нападавшие полностью деморализованы, а у подножия горы их не ожи-

дает отряд вооруженных до зубов приятелей, я развернулся и направился к входу в пещеру, которую когда-то отвоевал у старого бьерна*.

— Ну, что, прогнал? — раздался из темноты скрипучий голос, едва я вернулся.

— Да их и было-то полтора десятка. Не чета той толпе, которую я уложил в соседнем ущелье в прошлый раз.

— Что ж ты тогда на них всю стаю спустил?

— Просто так... — машинально отмахнулся я и, встретив из темноты внимательный взгляд, осекся.

Почти сразу из дальнего угла послышались тихий скрип и медленные шаркающие шаги.

Кариур был стар. Очень стар. По сравнению со мной — так и вовсе дряхл до невозможности. Его худые ноги уже давно подгибались от слабости. Некогда сильные руки больше не могли удерживать ни кинжал, ни обычную ложку. В последние месяцы он даже из пещеры почти не выбирался. Все больше лежал или сидел, с головой уйдя в расчеты. Однако сейчас все же нашел в себе силы подняться с усталого шкурами ложа и, подойдя вплотную, усталился на меня умными, цепкими, все такими же пронизательными, как и полвека назад, глазами, в которых светилось вполне обоснованное подозрение.

— Ты снова что-то почувствовал, — констатировал он, вдосталь насмотревшись на мое лицо, с которого крайне редко сходило бесстрастное выражение.

Я подумал и был вынужден признать, что сегодняшняя ситуация и впрямь меня позабавила. Так что Кариур не напрасно последние пятьдесят лет корпел

над своими пробирками — его эликсир работал. Пусть медленно и слабо, но все-таки работал.

— Хорошо, — прошептал старик, а его изборожденное глубокими морщинами лицо осветилось неподдельной радостью, которая, впрочем, тут же угасла. — Жаль, я не застану день, когда ты вспомнишь, каково это — быть человеком.

Я свистнул гончим, аккуратно собрал с их клыков свежую кровь, ради которой, собственно, и отправил собак в погоню. После чего сцедил драгоценную жидкость в зачарованную Кариуром кожаную флягу и вопросительно уставился на старика.

— Может, все-таки передумаешь?

— Еще не хватало!.. — отмахнулся тот. — Становиться нежитью я не буду. Ее у тебя и так достаточно. Лучше озаботься поисками толкового колдуна, который завершит работу над формулой и сделает то, чего не успел я.

— Кариур...

— Мое время на исходе, Вильгельм, — спокойно сообщил он. — И мы оба об этом знаем.

— Да, но я мог бы продлить твою жизнь еще на несколько месяцев.

Кариур на это ничего не ответил. Просто улыбнулся — устало, с пониманием. После чего оперся ладонью на хребет ближайшей гончей, а затем, используя ее как живой костыль, побрел к выходу из пещеры, тихо попросив напоследок:

— Проводи меня, будь добр.

И я не стал отказывать ему в этой просьбе.

Спустя несколько часов на одной из близлежащих скал запылал костер.

Мне не составило труда оказать старому колдуну услугу. Он устал, я знаю. Устал уже дав-

но. Но до тех пор, пока в его работе не наметился явный сдвиг, он продолжал исправно трудиться, честно выполняя взятые на себя обязательства.

Я, правда, надеялся, что у нас будет больше времени и мы все-таки доведем эксперимент до логического завершения. Но Кариур рассудил, что его участия в моей жизни больше не требуется, поэтому мне пришлось его отпустить.

Так, как я ему когда-то пообещал.

Усилий это не потребовало — старик не сопротивлялся. Однако сейчас, глядя на жадно пожирающее его останки пламя, я подумал, что мне будет его не хватать. Его советов, наставлений, историй. Я... пожалуй, испытал сожаление при мысли, что мы больше не увидимся. А когда костер прогорел, молча подобрал с земли пухлую тетрадь, в которой хранились плоды его многолетнего исследования, и пообещал себе довести эту работу до ума.

ГЛАВА 1

*Даманская империя. Даман**
6242 год новой эпохи

— **Д**яденька, а дяденька... не подскажете, как пройти в библиотеку?

Здоровенный небритый бугай, выпустив из волосатой лапищи горло случайного прохожего, обернулся и в полнейшем недоумении воззрился на мою мальчишескую физиономию.

— Пацан, ты че, сдурел? — спросил он, потихоньку наливаясь дурной кровью.

Бедолага за его спиной сдавленно закашлялся, а я растянул губы в широкой (надеюсь, что естественной) улыбке.

Ну, и что тут, спрашивается, такого? Подумаешь, ночь на дворе. Столица давно спит. Луны не видно, небо закрыто плотными тучами. А в глухой подворотне, где один неблагонадежный гражданин империи чуть не удавил другого неблагонадежного гражданина, вообще ни зги не видать.

Но разве это повод так на меня таращиться?

— Так вы не знаете, как пройти в библиотеку? — снова поинтересовался я, качнувшись на пятках

* Столица Даманской империи (здесь и далее прим. авт.).

и для верности заложив большие пальцы за ремень. Одинокий, безоружный, абсолютно беззащитный мальчишка, глядящий на злого дядю наивными глазами и в упор не замечающий трясущегося на заднем плане прохожего.

Как это ни удивительно, но в любом городе и при любых обстоятельствах люди реагировали на меня одинаково. Сомнение, недоумение, растерянность... При виде тощего белобрысого пацана их посещали какие угодно эмоции, но только не страх. А все потому, что детей никто не боялся. Их считали слабыми, уязвимыми, нуждающимися в защите. Особенно если те не походили на оборванцев и всем своим видом демонстрировали желание довериться.

Вот и бугай вместо того, чтобы насторожиться, глухо рыкнул. В его глубоко посаженных глазках появились запоздалые признаки мыслительной деятельности. До крошечного мозга, жестоко стиснутого черепными костями, все-таки дошла важная информация: в частности, бугай осознал, что на мне надета совсем не босяцкая одежда, а на пальцах виднеется как минимум один золотой перстень, за продажу которого можно выручить неплохие деньги.

— Ну, нет так нет, — бодро заявил я, так и не дождавшись ответа.

После чего преспокойно развернулся и потопал прочь, насвистывая под нос популярную песенку.

Бугай отмер секунд через двадцать. Видимо, крутившаяся в его единственной извилине мысль все-таки оформилась до конца. После чего он решил, что нельзя упускать такую добычу, и, плюнув на предыдущую жертву, грузно потопал за мной.

случай постоял, дожидаясь, чтобы меня заметили. А когда топот чужих сапожищ отчетливо ускорился, я с самым беззаботным видом свернул в соседний проулок, который в скором времени закончился тупиком.

— Ну, что, пацан, добегался? — угрожающе прорычал бугай, когда я развернулся и обнаружил, что единственный выход перекрыт его массивной тушей. — Откуда ты вообще здесь взялся?

Я смерил его оценивающим взглядом.

— Гулял. Смотрел. Жертву себе подходящую подыскивал.

— Чего?

— Ну, да. Ближе к центру много патрулей, а пары придурков из здешних трущоб точно никто не хватится.

У бугая в голове, похоже, имелась не одна, а целых две извилины. Перпендикулярных. И обе они сейчас завязались узлом, будучи не в силах сообразить, что именно я сейчас сказал. Ну, а пока он пытался выбраться из логического тупика, за его спиной мелькнула гибкая тень. Из темноты вынырнула рука в черной перчатке и, ловко воткнув ему в основание шеи длинную иглу, так же быстро исчезла.

Бугай вздрогнул, издал нечленораздельный звук, а потом закатил глаза и принялся оседать на землю.

Тень, почти невидимая благодаря темной одежде, быстренько его подхватила, не дав шарахнуться башкой о стену ближайшего дома, после чего усадила на землю, мельком выглянула на улицу и, убедившись, что внимания мы не привлекли, вопросительно на меня уставилась.

— Уверен, что он подойдет? Совсем ведь тупой.

Я подошел к безмятежно сопящему телу.

— Качество мозгов тут вторично. Намного важнее физические параметры объекта. А этот бык полностью здоров. Шею ему только протри, а то собирать с улицы всякую грязь мне не улыбается.

В темноте послышался приглушенный смешок, после чего мой закутанный в черные тряпки помощник выудил из-за пазухи платок, наскоро вытер бугаю шею и, запрокинув ему голову, с новым смешком предложил:

— Прошу.

Я наклонился и чиркнул остро заточенным ногтем по горлу незадачливой жертвы. На коже мгновенно выступило несколько алых капелек, которые тень без напоминаний смахнула все тем же платком. После этого я уже без особых церемоний расширил рану, снял с пояса полупустую флягу и, приложив к шее бугая, осторожно набрал в нее немного крови.

— Готово. Дай ему противоядие, исцеляющий амулет, и пойдем.

— Больно дорого поить эту шваль магическими эликсирами и тратить заряд амулета, который стоит в три раза больше, чем его плешивая шкура, — проворчала тень. — Может, ну его, а? Помрет — и дело с концом.

— Нардис, делай, что велено!

Тень сокрушенно вздохнула и полезла в карман за амулетом.

— Да-да. Ты у нас главный. Поэтому слушаю и повинуюсь, мой юный господин.

Я ненадолго замер.

Уж не насмешка ли послышалась в голосе этого нахала? И должен ли я как-то на это отреагировать?

— Напомни-ка, по какой причине ты решил мне служить? — наконец спросил я, когда обдумал варианты.

— Ты спас мне жизнь, — с готовностью отозвался Нардис.

— А что я тебе сказал, когда вытащил из той ямы, в которую ты, если помнишь, угодил по собственной глупости?

— Что теперь ты волен распоряжаться мной по собственному усмотрению. Я помню, ага. Но иногда, — притворно вздохнул он, — ты бываешь таким занудой, что в противовес тебе страшно хочется брякнуть какую-нибудь гадость. Ты ведь поэтому меня и спас. Со мной вроде как веселее, да?

Я пристально уставился на умничающего оболтуса, которого около года назад буквально выдернул с виселицы в одной из южных провинций княжества Айр. Тогда это была обычная прихоть. Эксперимент, если хотите. Однако со временем Нардис стал моей правой рукой, тенью, без которой в мире смертных мне пришлось бы на порядок сложнее.

Я ценил его за это, но иногда поганец выходил за всякие рамки. А еще у него случались удивительно точные озарения, которым я до сих пор не мог найти логического объяснения.

— Ладно, ладно, — примиряюще поднял руки парень, когда его буквально проткнул мой изучающий взгляд. — Я понял: у тебя снова нет настроения. Сейчас все сделаю, не переживай.

Я не стал напоминать, что переживать не умею в принципе. А вместо этого просто вышел из тупика и осмотрелся.

Но снаружи по-прежнему было тихо. Никто нас не искал. Городская стража по закоулкам

не рыскала. Да и зачем ей сдался какой-то бандюган? К тому же когда бугай придет в себя, то никаких ран на его шее не останется. А сам он даже не вспомнит, что в подворотне его уделал самый обычный пацан.

* * *

Признаться, никогда не понимал тягу людей к природе. Лично я всегда ценил четкость линий, простоту и функциональность. Признавал лишь то, что приносит пользу. А такие сомнительные понятия, как любовь, дружба или красота считал бессмысленными и пустыми.

Да и что это такое — красота?

Солнце взошло — солнце ушло... Одно время года сменяется другим... День и ночь... Жизнь и смерть... В мире давным-давно все было известно, продумано, описано и имело точное определение. Так зачем привносить иной смысл в уже устоявшиеся понятия? Специально вставлять пораньше, чтобы полюбоваться рассветом? Или без причин таращиться на гладь горного озера, как будто на его поверхности могли сами собой появиться ответы на вопросы, которые испокон веку тревожили человечество?

Даже Кариур, вот уже почти два десятилетия как мирно почивший в могиле, мог подолгу сидеть на одном месте и бездумно смотреть на облака. В такие моменты он становился рассеянным, порой отвечал невпопад. Зато по возвращении его нередко озаряли неожиданные идеи. Но ни тогда, ни сейчас я не мог сообразить, по какому принципу это работает.

Вспомнив о старике, я вытащил из-за пазухи потрепанную тетрадь и, наверное, в тысячный раз ее раскрыл. Многие из этих выкладок даже сейчас оставались мне понятными не до конца.

Но кое-какие вещи я все-таки уловил, а к каким-то еще не раз вернусь для лучшего понимания.

«Эксперимент под номером восемнадцать дробь восемьдесят два. Состав... доза... реакция отсутствует. Результат отрицательный.

Эксперимент под номером сорок пять дробь семьдесят один. Состав... доза... реакция слабая... Пометка: кратковременная. Конечный результат признан неопределенным.

Эксперимент под номером...

Результат отрицательный... отрицательный... отрицательный...»

Я пробежался глазами по затертым чуть ли не до дыр листам, в который раз похвалив Кариура за то, что тот вел подробные записи. И остановился на последних, самых важных строках, где старик обозначил свои выводы.

«Изучаемый объект демонстрирует несомненные признаки принадлежности как к миру живых, так и к миру мертвых. Жизненные процессы в его теле резко замедлены. Сердечная и дыхательная деятельность не определяются. Рост, вес и другие внешние данные на протяжении всего периода наблюдения остаются неизменными и примерно соответствуют возрасту десяти-двенадцати лет. При этом сила, скорость и иные параметры физического тела выходят далеко за рамки человеческих возможностей...»

Угу. Целый месяц я специально для колдуна усиленно бегал, прыгал и таскал тяжелые валуны, пока мы окончательно не выяснили, что именно я могу и как это лучше использовать.

«Тем не менее объект все-таки развивается. Взрослеет, хотя и преимущественно на ментальном уровне. На физическом, вероятно, процесс тоже идет, однако протекает настолько медленно, что обычными методами уловить разницу не представляется возможным.